

Кравчик М.А.

*кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин
Международного гуманитарного университета*

ПОНЯТИЕ «ТИП» В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ: ПЛАТОНИЗМ И СЕНСУАЛИЗМ

Философия родилась, разговаривая на древнегреческом языке, который в течение длительного времени (почти тысяча лет) оставался её единственным языком. На этом основании можно утверждать, что древнегреческий язык — это язык философии как таковой. Если это так, то тогда обращение к изучению основных понятий древнегреческой философии оказывается важным источником для прояснения и понимания концептуальных идей современности. Образцом такого рода философской рефлексии могут считаться разнообразные и неординарные разведки М. Хайдеггера, для которого тексты доократиков и Аристотеля являлись неизменным источником вдохновения для собственной мысли. Но, как правило, обращение к первоначальному употреблению в древнегреческом языке того или иного понятия современной философии позволяет представить всё многообразие существующих в нём смыслов и оттенков значения, что даёт возможность увидеть его «палитру» и разнообразные связи в языке.

В данной статье ставится целью исследование значения понятия «тип» (τύπος ό) в античной философской мысли. В настоящее время это понятие широко употребляется в самых различных областях гуманитарного и естественнонаучного знания. На выделении типов как смысловых целостностей построена процедура типологизации, без которой невозможно представить гуманитарное познание. В культурологии и философии культуры понятие типа культуры играет фундаментальную роль, поскольку позволяет представить культурный универсум в виде совокупности различных самобытных культурно-исторических целостностей (О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский и т.д.). Также и в философии это понятие встречается в таких разных контекстах мысли как теория типов Б. Рассела и концепция «идеальных типов» М. Вебера.

Таким образом, актуальность данного исследования заключается в том, что понятие тип, имея достаточно развитую традицию употребления в античной философской мысли, оказывается своего рода «знакомым незнакомцем» в современной философии. Обращение к античной мысли позволяет установить его исходные смыслы и значения, которые стали основанием для столь широкого употребления этого понятия в настоящее время. Среди исследователей занимавшихся данной темой можно назвать имена видных исследователей античной философии таких как А.В. Лебедев, А.Ф. Лосев, С.Я. Лурье, Ю.А. Шичалин, а также и современных

авторов непосредственно исследовавших это понятие К.И. Забулионите, И. Протопопова и др.

Действительно в античности понятие тип («typos») являлось многозначным и включалось в контексты разных концептуальных построений, связанных с обсуждением проблем познания, памяти и мышления. Наряду с понятиями «эйдос» (εἶδος), «образ» (εἶδωλον), «форма» (ἰδέα), оно характеризует целостность и сущностную определённую вещь, т.е. относится к общей группе понятий применяемых Платоном и Аристотелем для обозначения формы и строения вещей.

В переводе с древнегреческого «тип» (τύπος ό) имеет несколько значений: «1) удар; 2) знак (след от удара); 3) чеканка, выпуклая работа, рельеф, изваяние; 4) отпечаток, изображение, очерк; 5) образ, форма, первообраз» [1, с. 1262]. Этот список можно дополнить ещё такими значениями как отпечаток (перстня), оттиск, образец, тип, очертание, общий вид. Оно происходит от глагола τυπτο, который значит бить, ударять, придавать форму, образовывать, чеканить. «Тип» — это, собственно говоря, то, что «выбито». «Тип» резко отличается от «морфе» тем, что последняя представляет собою как бы некоторого рода случайный кусок чего-нибудь, несущий на себе также и соответствующие качества или свойства, в то время как «тип» есть нечто специально отбитое, выбитое, изготовленное, отделанное; это — специальным образом отделанный и изготовленный, специально оформленный кусок металла, дерева или какого-нибудь другого более или менее крепкого вещества» [2, с. 612].

В этом же значении тип понимался как «след шагов на песке и печати на воске. До IV в. до н.э. к этому примеру обращались, поясняя отражение в зеркале: будто оно там отпечатывается при посредничестве ветра, и даже Демокрит объяснял феномен зрения через оттиск-образ, который мы видим в глазах другого, когда смотрим на него вблизи» [3, с. 437].

Действительно, понятие тип (typos) как отпечаток Демокрит использовал в своей теории познания, когда размышлял о возникновении ощущений и мышления. Об этом свидетельствуют многочисленные фрагменты Демокрита, приведенные разными авторами, в том числе Аэцием и Цицероном. Первый фрагмент Аэция в переводе Дынника выглядит так: «Левкипп, Демокрит, Эпикур: ощущения и мышления возникают вследствие того, что приходят извне образы. Ибо никому не приходит ни одно ощущение или мысль без попадания в него образа» [4, с. 80].

При этом образ (*typos*) понимается как материальный отпечаток, который возникает в воздухе от какого-либо предмета и благодаря которому становится возможной мысль об этом предмете. Иными словами, Демокрит полагал, что подлинная действительность вещей окружающего мира является скрытой от нас, вследствие этого мы познаем не сами вещи, а их «истечения». Поэтому «мы ничего ни о чем не знаем, но для каждого из нас в отдельности его мнение есть [результат] притекающих [к нему образов]» [4, с. 84].

На этом «истечении» образов Демокрит построил свою теорию зрения, которая определённым образом объясняет возникновение представлений о вещах окружающей действительности. Так, Цицерон в «Письме к Кассию» приводит следующее описание того как образ проникает в наши органы чувств: «когда я пишу...мне является некий [образ], этим образом глаза могут быть ударяемы, так как, хочешь ты или нет, они сами входят [в наши органы чувств], но чтобы они могли [ударять] душу, [этой возможности] я не усматриваю [4, с. 83].

Решающее значение имеет именно этот факт «удара» и возникающего вследствие этого отпечатка (*typos*). Этот отпечаток, несомненно, материален, поскольку он, как интерпретируя взгляды Демокрита, утверждает Цицерон, не попадает в душу. Его материальность подтверждается также той критикой, которую высказывает Теофраст, так же ссылающийся на Демокрита: «видение, по его мнению, возникает от отражения...А именно, [по его учению], отражение не прямо возникает в зрачке, но воздух, лежащий между глазом и видимым [предметом] получает отпечаток, сдавливаясь видимым и видящим. Дело в том, что от всего всегда происходит некоторое истечение. Затем это изображение, плотное и отличное по цвету, делает изображение во влажном глазе» [4, с. 90]. Критика Теофраста касается, прежде всего, того факта, что Демокрит сравнивает образование этих отпечатков, с деланием «отпечатков на воске». А это в свою очередь — «нелепость» [Там же]. Потому что воздух как среда меньше всего подходит для того, чтобы передавать отпечатки. В воздухе они должны были просто-напросто рассеиваться. В то время как воск действительно сохраняет отпечатываемую форму.

Это учение о зрении у Демокрита и его идея о *typos*'ах как об отпечатках, подобных отпечаткам на воске, получили дальнейшее развитие у стоиков и у Аристотеля. Причем её развитие определялось тем, в какой мере Аристотелю и стоикам удавалось «внедрить» учение Демокрита в свои концептуальные построения.

Стоики были последовательны в развитии учения Демокрита, отстаивая в разной степени материальность отпечатка (*typosis'a*). Для них приобрела значимость метафора отпечатка как оттиска изображения на воске, которую они использовали, разрабатывая свою теорию представлений (*phantasiai*), связанную с чувственным познанием. «Источники свидетельствуют, — как отмечает А.С. Степанова, — что способы действия представления непосредственно связанного с чувственным восприяти-

ем, стоики определяли с помощью трёх терминов: «отпечаток» (*τύπωσις ἡ*), «изменение» (*αλοίωσις ἡ*) и «аффект» (*ἄδος τό*)» [5, с. 53]. Первоначально Зенон систематически употреблял термин «отпечаток» (*τύπωσις ἡ*) для обозначения представления подобного следу, оставленному печатью на воске.

Таким образом, вслед за Демокритом Зенон считал, что отпечаток материален, но он остаётся в душе: «представление есть отпечаток в вездущем начале», или в душе [6, с. 273]. Секст Эмпирик, приводя мнения учеников Зенона (Клеанфа и Хрисиппа), показал, что в вопросе об отпечатках у них не было полного единства взглядов: «представление у них есть отпечаток в душе. Но относительно этого отпечатка тут же возникли у них разногласия. Клеанф говорил об отпечатке в смысле углубления и возвышения, наподобие того отпечатка, что появляется на печати на воске... Другие же говорят, что если существует какое-нибудь представление, то оно есть отпечаток и изменение в душе» [6, с. 107]. Так, действительно, если Клеанф следовал позиции своего учителя Зенона, понимающего отпечаток в буквальном смысле (т.е. в смысле выемки и выпуклости, как от печати на воске), то Хрисипп подвергает критике это учение о представлении как об отпечатке и предлагает своё. Он утверждал, что понимать отпечаток следует не по аналогии с воском, поскольку в этом случае трудно обосновать появления множества отпечатков от различных вещей, которые возникают в душе одновременно, но как «аффекта» (*ἄδος τό*) или изменения (*αλοίωσις ἡ*) самой души.

Но и позицию Зенона, и позицию Хрисиппа, Секст Эмпирик отвергает как недостаточно аргументированную. Поскольку «душа и руководящее начало есть дуновение или нечто более тонкое, чем дуновение, как говорят они, то никто не может помыслить в нём отпечаток ни в смысле углубления, и возвышения, как мы видим в печатях, ни вследствие чудесной меняющей силы» [6, с. 273].

Аристотель, безусловно, не разделял полностью взгляды Демокрита о материальности отпечатка, критикуя последнего. Но он не отверг саму метафору отпечатывания, придав ей несколько иное значение. Так, в своём сочинении «О душе» Аристотель её использует, чтобы пояснить взаимодействие души и тела: «Не следует спрашивать, есть ли душа и тело нечто единое, как не следует спрашивать это ни относительно воска и отпечатка на нем, ни вообще относительно любой материи и того, материя чего она есть» [7, с. 412]. Поскольку воск и отпечаток на нем — это нечто единое; отпечатка без воска, как формы без материи, не существует. Здесь отпечатком оказывается сама душа как сущностная форма.

С другой стороны, Аристотель также утверждал, что «любое чувство — это то, что способно ощущать формы ощущаемого без его материи, как воск принимает отпечаток перстня без железа или золота» [7, с. 424]. Здесь уже под воском, как и у стоиков, понимается сама душа, которая воспринимает чувственные образы. Но поскольку у Аристотеля она не материальна, то он подчеркивает другие свойства

воска — его способность принимать не материю, а форму. Неважно, из чего сделан перстень, из золота или из железа — воск воспримет не материал, а то, что вырезано на перстне, то есть чекан, образ, форму. Следовательно, душа воспринимает не материальные отпечатки, а формы вещей.

Таким образом, согласно Аристотелю, чувственные впечатления от вещей окружающего мира подобны печати, остающейся на воске. Они являются основным источником всякого знания, хотя и очищаются, и обобщаются мыслящим интеллектом. Но без них невозможны ни сама мысль, ни знание, так как всякое знание в первую очередь зависит от чувственных восприятий. Поэтому можно согласиться с мнением С.Я. Лурье, который считает, что Аристотель заимствовал основную идею у Демокрита относительно источников чувственного познания: «несмотря на то, что Аристотель противопоставляет свою теорию теории Демокрита, он, собственно говоря, повторяет учение Демокрита, лишь заменяя «образы и истечения» неким «движением» [8, с. 513].

В другом своём сочинении «О памяти и припоминании» Аристотель снова обращается к данной метафоре. Отвечая на вопрос как можно помнить отсутствующее, он утверждает, что для этого нужно мыслить возникающее в душе как некое изображение, картину, возникающую словно отпечаток ощущения, как нечто отпечатываемое перстнем [9]. И снова этот отпечаток является не материальным, поскольку память — это способность, а не субстанция.

Необходимо отметить, что употребление данной метафоры у Аристотеля обусловлено не только и не столько взглядами Демокрита и стоиков, сколько влиянием своего непосредственного учителя Платона. Последний действительно многократно употреблял как сам термин *τύπος*, так и метафору отпечатывания. Так, в диалоге «Теэтэт» Сократ рассуждает о том, что такое знание следующим образом: «Сократ. Так вот, чтобы понять меня, вообрази, что в наших душах есть восковая дощечка; у кого-то она побольше, у кого-то поменьше, у одного из более чистого воска, у другого — из более грязного или у некоторых он более жесткий, а у других помягче, но есть у кого и в меру... Скажем теперь, что это дар матери Муз Мнемосины, и, подкладывая его под наши ощущения и мысли мы делаем в нем оттиск того, что хотим запомнить из виденного, слышанного или самими нами придуманного, как бы оставляя на нем отпечатки перстней. И то, что застывает в этом воске, мы помним и знаем, пока сохраняется изображение этого, когда же оно стирается или нет уже места для новых отпечатков, тогда мы забываем и больше уже не знаем...» [10, с. 191 с-е; 194 с — 195 а].

В этом отрывке Платон отмечает, что восковая дощечка — это не душа, а дар Мнемосины, необходимый для запоминания чего-либо, поэтому он для всех различен, как и разной для всех является сама дощечка. Однако отпечатки, которые на ней возникают, как следует из дальнейшего рассуждения Сократа, не приносят истинного знания. Истинное

знание, как и подлинная память, не нуждаются в отпечатках. Это Платон провозглашает в мифе об изобретении письменности в диалоге «Федр». Письменность, считает он, расслабляет человека, он перестает упражняться и пользуется готовыми отпечатками. «Веря в написанное, мы доверяемся тому, что идет снаружи, чужим отпечаткам (*allogrion typon*), а не тому, что есть внутри нас» [11, с. 275 а].

В еще одном диалоге «Тимей» Платон говорит об отпечатках, когда рассуждает о трёх родах сущего: один — это как бы отец, чекан, образец, исходная форма, второй, сын — отпечаток этой формы, а третий род, мать — субстанция, принимающая этот отпечаток. Последнюю он определяет как кормилицу и восприемницу всего сущего, которая всегда существует только в других формах, но не сама по себе. Платон именует её «хорой» (*χώρα*), а Аристотель потом назовет «материей» (*ύλη*). Именно материя существует исключительно в отпечатках.

Но у Платона речь идёт, конечно, не о материальных отпечатках, и поэтому его употребление понятия тип как отпечатка совершенно отличается от Демокрита и стоиков. Более того, используя метафору отпечатка в диалогах «Теэтэт» и «Федр» очевидно, что сам Платон её не поддерживает, а относится критически. В связи с этим Платон пытается придать иной смысл этому понятию, вводя его в контекст своей философской концепции. Поэтому у него появляется значение типа как образца, первообраза.

Так, Лосев приводит следующие отрывки употребления понятия в этом новом значении: «Читаем о типах как об *общем образце* вожделений (R.P. VIII 559a)..., что касается общественной и государственной жизни, то Платон говорит здесь о типах закона (Legg. VII 816c), законодательства (IV 718c), совершенного правителя (R.P. III 414a). Закон создает типы взысканий для руководства судьями (Legg. IX 876e). Говорится и об *основных чертах* воспитания, или *образце* воспитания (R.P. IV 412b).

В художественной области читаем у Платона о типах исполнения поэтического произведения (R.P. II 397c), об *образце* подражания для подлинных поэтов (II 379a, III 398b), об *образцах* для песен и плясок (Legg. VII 803e), о типе, или *характере*, художественного произведения для воспитания строгих нравов (R.P. III 387c) и об *общем смысле* песни Симонида (Prot. 344b). Наивысший образец для всеобщего подражания, по Платону, — это, конечно, боги, но и здесь этот образец характеризуется при помощи термина «тип» (R.P. II 377b, 377c, 379a, 380c, 383c).

Наконец, в философском отношении у Платона важно понимание «типа» как синтеза предела и беспредельного (Phileb. 32b), когда имеется в виду тип прекрасного самого по себе независимо от своего соотношения с чем-нибудь другим и доставляющего чистую радость (51d) или имеется в виду такое же обобщенное благо (61a) и справедливость (R.P. IV 443c), так что и имя вещи остается правильным до тех пор, пока оно отражает ее *основной тип*, ее *облик* (Crat. 432e)» [12, с. 625].

Таким образом, можно сделать **вывод о двух устойчивых традициях употребления понятия «тип» в античной мысли**: одна акцентирует внимание на типе как отпечатке, который образуется на восковой дощечке (душе) от чувственных вещей, давая её материал для познания и мышления. Эта традиция начинается с Демокрита, первым использовавшим тип в значении материального отпечатка. Затем её в той или иной мере продолжили стоики, и, наконец, у Аристотеля она получила новый импульс для развития. Именно с Аристотеля берет начало традиция определения души как «*tabula rasa*» (лат. «чистая доска»). На латыни слово «*tabula*» определялось как «1) доска, плита, таблица; 2) дощечка для письма; 3) запись, документ; 4) меняльный стол; 5) вотивная табличка, памятная дощечка (в память о благодеянии богов); 6) доска для игры (в кости и т.п.); 7) картина» [13]. В повседневной практике для написания нового текста на восковой табличке старый текст стирался (сглаживался воск) и затем мог записываться новый.

Следовательно, в переносном смысле словосочетание *tabula rasa* могло означать уничтожение старого смысла ради нового. В философии Средневековья обозначение души (ума) как «*tabula rasa*» встречалось у Альберта Великого, Фомы Аквинского, Авиценны и др. В новое время Дж. Локк также определял первоначальное состояние человека и его души как «*tabula rasa*». При этом, естественно, каждый автор приносил свой смысл в эту метафору. В современной философии отзвуки употребления этого понятия присутствуют в грамматологии Ж. Деррида, который в понятии «след» (*la trace*) стремился зафиксировать нечто «отсутствующее», «не-сущее».

Другая традиция восходит к Платону, первым употребивший понятие «тип» как образец, первообраз. Плотин, стремившийся следовать внутреннему строю платоновской мысли, также настаивает на этом употреблении. Поскольку у него «Мировая Душа является «первым образом», а индивидуальная душа соответственно — «образом Души», то есть «образом образа» [14, с. 121]. Эта традиция затем была продолжена христианскими авторами, которые следовали смыслу употребления этого понятия ап. Павлом. В текстах его посланий несколько раз встречается это понятие и производные от него: Рим. 5:14 (*τύλος*), 1 Кор. 10:11 (*τύλικος*), 1 Кор. 10: 6 (*τύλοι*) в значении *tyros*'а как некоторого пророческого образа (первообраза, образца), относящегося к будущей реальности, являющейся его свершением.

Таким образом, как отмечает С.С. Аверинцев: «в мистическом историзме христианства, предполагающем единство Божьего замысла и, одновременно, глубоко различные, даже контрастирующие, способы осуществления этого замысла в разные эпохи Ветхого Завета и в Новом Завете, слово «*τύλοι*» оказывается особенно важным. Само по себе слово это в христианских текстах, как правило, указывает на мистическую связь первообраза и отображения этого первообраза. Мало того, идея Божьего замысла предполагает обратное во времени направление этого отпечатка. Слово «*τύλος*» употребляется и для первообраза, и для отображения» [15].

Литература

1. Греческо-русский словарь. Репринт V-го изд. 1899г. [сост. Вейсман А.Д.] — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. — 1370с.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики в 6-ти т. / Лосев Алексей Федорович // Т.2. Софисты. Сократ. Платон. — М., Харьков : АСТ, 2000. — 640с.
3. Европейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. Т.1. — К.: Дух і Літера, 2009. — 576с.
4. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Под ред. М. Дынника — М.: изд-во политической литературы, 1955. — 238с.
5. Степанова А.С. Философия Древней Стои. — Спб.: изд-во КН, 1995. — 272с.
6. Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х т / Пер. А.Ф. Лосева. Т.1. — М.: Мысль, 1975. — 397с.
7. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.1 / Ред. В.Ф. Асмус. — М.: Мысль, 1979. — С. 369-450. — 550с.
8. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования / С.Я. Лурье. — Л.: Наука, 1970. — 664с.
9. Аристотель. О памяти и припоминании. Пер. с греч. С.В. Месяц // Вопросы философии. — 2004. — № 7. — С. 158-173.
10. Платон. Теэтэт // Платон. Собр. соч. в 4-х томах / Пер. с греч. Т.В. Васильевой. Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — 620с.
11. Платон. Федр // Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Т.2 / Пер. А.Н. Егунова. — М.: Мысль, 1983. — 588с.
12. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: в 2-х т. / Лосев Алексей Федорович. Кн. 2. — М.: Искусство, 1994. — 688с.
13. Русско-латинский словарь // [http:// radugasolov.ru/ latin.htm](http://radugasolov.ru/latin.htm)
14. Берестов И.В. «О затруднениях, относящихся к душе» (IV,3–5) и платиновская концепция бесстрастности души // Вестник НГУ. — 2006. — Т. 4, вып. 2, — С. 117–122
15. Аверинцев С.С. Греческая семантика понятия образа в Священном Писании (прежде всего в Новом Завете) / С.С. Аверинцев // [http:// www.gumer.info/ bibliotek/katalog.php -Buks/literat/aver/](http://www.gumer.info/bibliotek/katalog.php-Buks/literat/aver/)

Кравчик М.О. Поняття «тип» в античній філософії: платонізм та сенсуалізм. — Стаття

Анотація. Стаття присвячена дослідженню значення та вживання поняття «тип» в античній філософській думці. Це поняття належить до спільної групи понять ідея, образ й форма, що застосувались Платоном та Аристотелем для визначення сутнісної побудови речей. В статті визначені дві традиції застосування поняття тип в античній думці: перша — сенсуалістична — пов'язана з інтерпретацією типа як відбитка, відтиска, а друга спирається на Платона, який позначав тип як взірць та першообраз.

Ключові слова: тип, відбиток, образ, відтиск, взірць, першообраз

Kravchik M. Conception of «Type» in Philosophy of Antiquity: Platonism and Sensualism. — Article

Summary. The article is devoted to the investigation of significance the concept «type» in the philosophy of antiquity. This concept belongs to a group of concepts such as image, form and shape used by Plato and Aristotle to describe the formation of things. In this papers analyses two traditions of usage the concept «type»: the first is sensual that interprets the «type» as imprint, the other is derived from Plato's views who considered «type» as prototype.

Keywords: type, imprint, print, image, prototype.